

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Стерлитамакского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет» Ибатуллиной Гузели Мртазовны на диссертацию Багратион-Мухранели Ирины Леонидовны «Формирование мотивной структуры мифа о Грузии и Кавказе в русской литературе XIX - начала XX века», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертационная работа И.Л. Багратион-Мухранели посвящена кругу историко-литературных проблем, связанных с динамикой формирования кавказского мифа в контекстах русской литературы XIX – начала XX века. Актуальность проблематики работы не вызывает сомнений, поскольку исследования имагологических и фронтирных рецепций и репрезентаций в литературных текстах востребованы сегодня как литературоведением, так и смежными областями современного гуманитарного знания. Подобный подход, ориентированный на целостное описание этнокультурного диалога, не только *отражаемого* литературным сознанием, но и *порождаемого*, формируемого им, определяет также и научную новизну исследования И.Л. Багратион-Мухранели и представляется одним из очевидных достоинств работы. Мотивная структура кавказского мифа рассматривается здесь одновременно и как художественный, и как социокультурный феномен, что логически обуславливает избранную диссертантом исследовательскую методологию. В диссертации используется совокупность методов, центральным из которых можно назвать типологический метод анализа изучаемых явлений в разных его модусах и в разновекторной предметной направленности: кавказский текст становится предметом типологического описания в трех основных аспектах – историко-литературном, художественно-эстетическом и социокультурном.

Автор диссертации прослеживает динамику становления мотивной

парадигмы кавказского текста от эпохи романтизма до рубежа XIX – XX веков, рассматривая «узловые прецеденты художественной интерпретации мифа о Грузии и Кавказе» не только в творчестве общепризнанных классиков – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, – но и в беллетристике и массовой литературе, в произведениях писателей так называемого второго и третьего ряда: А.А. Бестужева-Марлинского, В.И. Даля, А.Н. Муравьева, Л.А. Чарской, Д.Л. Мордовцева, В.А. Сологуба и других. Итоговым текстом, завершающим кавказский миф в русской литературе, И.Л. Багратион-Мухранели считает повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», что выглядит вполне логично и мотивированно. Кавказский миф здесь действительно достигает кульминации, хотя, на мой взгляд, здесь же одновременно кульминируют и процессы демифологизации образа Кавказа в русском сознании. В перспективе было бы интересным и продуктивным описать эти двояконаправленные процессы (мифологизации и демифологизации кавказского текста), их основные векторы и внутренние механизмы более развернуто.

Характерные для диссертации пересечения литературоведческого анализа с культурологическим, социально-историческим, этнологическим, с имагологическими и фронтальными ракурсами исследования открывают возможность нового взгляда на известные литературные коллизии, как, например, в интерпретации традиционного для романтизма сюжетного клише, связанного с мотивом экзотической любви чужеземца к «дикарке». На с. 188, исходя из анализа кавказских социокультурных реалий, диссертант обоснованно делает вывод, что «М.Ю. Лермонтов, описывая отношения Печорина и Бэлы руководствовался не только канонами романтической повести», но и конкретно существующими кавказскими обстоятельствами: браки между русскими и кавказцами существовали практически среди всех сословий. Это позволяет увидеть более рельефно внутренне диалогичные отношения между романтическими и реалистическими формами изображения, определяющие поэтику

лермонтовского романа. Романтический миф об экзотической исключительности ориентальной любви здесь, как и в стихотворении П.Я. Полонского, посвященном Нине Грибоедовой, «остраняется» и, в результате, с одной стороны, демифологизируется, утрачивает «правду мифа», с другой – обретает «новую, историческую правду» (с. 186).

Следует отметить, что подобный интегрированный анализ литературных явлений на контекстуальных стыках и пересечениях возможен лишь при условии достаточной широты научных горизонтов исследователя в изучаемой области и предполагает в том числе свободное владение разноконтекстным фактографическим материалом, что подтверждается многими разделами работы, особенно в главе 4-й. Диссертация свидетельствует, что ее автор действительно обладает необходимой широтой научного кругозора, дающего возможность многоракурсного видения этого материала и свободной ориентации в разнородных семантических полях исследования, включающих, помимо вышеназванных, еще и религиозно-богословские, лингвистические, историкографические, даже историко-политические и идеологические аспекты. Многочисленные экскурсы в эти контексты выписаны убедительно, органично, с живым чувством и живым языком и не производят впечатления чужеродных имплантаций. Текст диссертации отчетливо отражает огромный объем труда, необходимого для его создания, в том числе работу с архивными и документальными источниками.

Существенно важно также и то, что имагологические и фронтальные контексты русско-кавказского мифа даны в работе не только как внешне дистанцированный объект изучения, но проявлены через взгляд «изнутри», через внутренние фокусы авторского сознания исследователя, живущего в этих контекстах, а не просто остраненно изучающего их (см., н-р, с. 45). В работе выражена аксиологически осознанная, глубинно отрефлексированная позиция по отношению к исследуемому материалу, что также можно считать одним из бесспорных достоинств диссертации. Цитируемое Ириной

Леонидовной высказывание Б.А. Успенского о внутренней и внешней перспективе в кавказских текстах Пушкина и Толстого можно соотнести и с ее собственной авторской позицией: «В одном случае (у Пушкина) Кавказ показан глазами постороннего наблюдателя, посетившего эту страну, – как обобщенная картина, в другом случае (у Толстого) он показан изнутри; в одном случае это предмет оценки (эстетической или идеологической), в другом – проникновение во внутренний мир героя» (с. 46).

Вместе с тем следует сказать, что в ряде разделов работы выглядит и доминантным, и наиболее удачным именно интегрированное осмысление литературного материала, а не собственно литературоведческие его интерпретации. Издержки выбранного диссертантом подхода в том, что литературоведческий анализ в собственном смысле слова отступает нередко на второй план, как, например, в исследовании мотива границы во 2-й главе. Кавказский миф рассматривается в работе не только и не столько как литературно-художественный феномен, сколько как явление общекультурологического и отчасти социально-исторического порядка. Эту особенность диссертации можно воспринимать двояко, видя в ней и уязвимую (с точки зрения специальности защиты) сторону, и пример актуальной для сегодняшней науки попытки системного решения филологических проблем в семантическом поле имагологических и фронтальных исследований. Дело усложняется тем, что критерии структурирования материала в этом плане не вполне четко определены диссертантом; некоторые фрагменты работы выглядят малоубедительными и поверхностно-эскизными, как например, раздел 5а гл. 2: «Мотивы преодоление жанровых границ. «Валерик», – который можно было бы безболезненно для общей логики исследования удалить, конструктивный каркас работы от этого только выиграл бы, так как раздел носит, если можно так выразиться, условно-номинальный характер.

Более того, не вполне четко дефинировано и дифференцировано семантическое наполнение самого понятия «мотив», которое без логически

последовательных оговорок понимается в работе и в качестве сюжетообразующего элемента, и в качестве тематической единицы, и как описательная историко-литературная категория, и как категория поэтики. В наименовании раздела 4, гл. 2 «Мотивы военной публицистики в «Письмах из Дагестана» А.А. Бестужева-Марлинского» имеются в виду мотивы, характерные для военной публицистики определенного периода, и вряд ли этот раздел выглядит логичным в рамках главы, тема которой определена как «Мотив границы в литературе о Кавказе», логика соотнесенности общего и частного здесь явно нарушена. Вызывает сомнения и определение «Мотив деромантизации Кавказа в творчестве А.И. Полежаева» – 3-й раздел 2 гл., которое кажется семантически-диффузным в контексте общей структуры работы. Деромантизация влечет за собой и демифологизацию изображения, однако диалектика этих процессов в данном разделе никак не оговаривается, мотив деромантизации здесь представлен как одна из составляющих мотивной структуры кавказского мифа.

Если характеризовать логическую и содержательную структуру диссертации в целом, перед нами не столько концептуально выстроенная парадигма мотивной архитектоники кавказского мифа, сколько разноаспектное исследование его основных смысловых координат. С одной стороны, это и подразумевается темой диссертации, предполагающей анализ *процессов «формирования мотивной структуры»*, а не завершенное описание ее парадигматики, с другой – работа, на мой взгляд, выиграла бы, если бы эти моменты были более конкретно и развернуто оговорены и отрефлексированы. Логическая и смысловая имплицитность некоторых фрагментов исследования препятствует его полноценному восприятию.

Так, более отчетливая экспликация понятий «кавказский миф» и «кавказский текст» дала бы возможность выстроить исследовательскую парадигму работы в большей степени конструктивно и концептуально обоснованно. В целом ряде случаев, где в диссертации говорится о кавказском мифе, по сути речь идет о кавказском тексте и

недифференцированность содержания и границ этих понятий деформирует восприятие даже внутренне убедительных суждений и выводов автора работы. Это касается, например, главы 4-й, рассматривающей «мотивы культурного строительства и миротворчества в Грузии и на Кавказе».

Отдельного разговора требует текстовое и речевое оформление работы, очень неоднородное, и потому порождающее двойственное впечатление. С одной стороны, в диссертации немало фрагментов, которые читаются с чувством филологической удовлетворенности. Так, стилистическая ровность и органика текста, его универсальная читабельность в разделах о Муравьеве и Сологубе (4 гл.), позволяют воспринимать его как потенциальный текст раздела учебного пособия по русско-грузинским литературным связям. Цитация и ссылки и в этих, и в других параграфах работы не загромождают текст, а, напротив, оказываются органичным способом выражения отрефлексированной научной позиции самого диссертанта, убедительно свидетельствует о свободной ориентации в многоликом материале и уверенной включенности автора в диалогическое поле исследований по данной проблематике.

Однако, с другой стороны, во многих фрагментах работы речевая и языковая репрезентация рассуждений, выводов, идей ее автора выглядит весьма уязвимой, особенно это касается вводной части и первых 2-х глав, где рекомендуется существенная редакция текста. Здесь мы обнаружим неточность и некорректность формулировок (н-р: с. 35, 2-й абзац; с. 85, 3-й абзац: «Концепт границы...»; с. 103, 1-й абзац; с. 104, 2-й абзац; с. 181, 3-й абзац; с. 166, 2-й абзац: «В литературе разворачивался...»; с. 254, 3-й абзац; с. 308, 1-й абзац и др.); нередкие повторы (н-р: с. 12, 17, 20, 35); алогизмы, противоречия и логические лакуны (н-р: с. 22, 2-й и 3-й абзацы; с. 47, 1-й абзац; с. 50, 52-53, 65; с. 82-83; с. 91, 3-й абзац; с. 138, 2-й абзац; с. 193, 2-й абзац и др.); грамматически и стилистически неудачные обороты (с. 6, 2-й абзац; с. 29, 3-й абзац; с. 35; с. 63, с. 106, 1-й абзац; с. 107, 2-й абзац; ; с. 110,

1-й абзац 3-го раздела; с. 118; с. 188, 4-й абзац; с. 193, 2-й абзац; с. 296, 3-й абзац; с. 303, 2-й абзац, с. 310, 2-й абзац и др).

Сугубо научный стиль в тексте диссертации нередко контаминируется с эссеистским и очерковым, в результате чего некоторые терминологически инструментированные тезисы и отражающие их речевые обороты выглядят не вполне убедительными, как, например, в рассуждениях по теории мотива со ссылками на работы И. Силантьева, В. Тюпы и в попытке их концептуальной привязки к проблематике исследования диссертанта. Вместе с тем наряду со значительным количеством текстовых «флуктуаций» в работе немало страниц, выписанных фразеологически выразительно, с сохранением живого индивидуального голоса автора в нормативных рамках научного дискурса. Подобной органикой характеризуются в том числе и фрагменты диссертации, парадоксальным образом интегрирующие сакральные контексты с документалистикой, этнографические с религиозными, как, например, в 1-м разделе 2 гл. («Многоаспектность мотивики границы в травелоге А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»). Эти разделы выглядят внутренне цельными, несмотря на содержательную неоднородность материала, обусловленную «фронтирным» характером предмета исследования. Так, точка зрения автора диссертации в полемике с книгой Н. Маркелова «А.С. Пушкин и Северный Кавказ» (с. 98-100) убеждает своей последовательностью. Данный раздел можно назвать одним из самых удачных и в литературоведческом аспекте; хотя анализ пушкинского «Путешествия в Арзрум» не всегда разворачивается в контексте мотива границы, но в итоге здесь диссертантом обнаруживается «граничная», диалогическая жанровая природа «Путешествия», определяющая его новаторский характер; фронтирная проблематика произведения здесь отчетливо соотносится с такой же «фронтирной» структурой его художественной формы. К сожалению, автору диссертации не удалось последовательно реализовать подобный методологический подход в уже упоминавшемся выше разделе 5а 2-й гл.: «Мотивы преодоления

жанровых границ. «Валерик»». Диалогическое пересечение любовного послания и военной реляции, военного «кордебалета» и трагедии здесь заявлено, но логически полноценно не вписано в общую парадигматику исследования.

В то же время в разделе 5б гл. 2 («Мотивы пограничности романтических героев – Измаил-Бей, Демон, Печорин») фронтирный взгляд на проблему приводит к существенно-значимым выводам. Так, драматизм бытия романтического героя находит объяснение не только с точки зрения традиционной романтической поэтики (исключительная личность с такими же исключительными страстями и судьбой), но и с точки зрения реальных жизненных ситуаций кавказского «фронтирного» героя с граничным топосом судьбы: маргинально-граничное положение оказывается чревато жизненной трагедией и для реальных действующих лиц в истории кавказско-русских отношений, таких, как кабардинский князь Измаил-Бей Атажукин – исторический прототип главного героя поэмы М.Ю. Лермонтова «Измаил-Бей». Ирина Леонидовна обнаруживает здесь удивительный по сути парадокс: фронтирное положение «кавказского героя» стирает границу между романтической условностью изображения и исторической конкретностью и достоверностью реальной биографии. Романтический миф на Кавказе демифологизируется в том смысле, что романтический герой здесь равномасштабен реалистически воссозданной личности. Это во многом объясняет, почему М.Ю. Лермонтов в романе «Герой нашего времени» представляет нам именно кавказские фрагменты биографии Печорина: байронический тип сознания, увиденный через призму реалистических принципов изображения (имагологический портрет), выглядит наиболее убедительным во фронтирном кавказском пространстве, актуализирующем имагологическое восприятие героя.

Способность И.Л. Багратион-Мухранели к сочетанию «панорамного» взгляда на проблему с исторической и культурологической конкретностью деталей обнаруживается на многих страницах работы и позволяет видеть в

исследовании реализацию потенциалов именно докторской диссертации, однако уязвимость некоторых позиций при этом остается очевидной. Одним из таких уязвимых разделов является, например, параграф 2-й гл. 2-й («Полярность кавказского мира в фольклоре»), несмотря на использование интересного фактографического материала: как видно из ссылок, Ирина Леонидовна анализирует здесь в том числе и фольклорные тексты из собственного архивного собрания (с. 110). Однако проблемный анализ по сути сводится к тематическому обзору и констатации фактов, параграф выглядит эскизным и описательным, как и некоторые другие фрагменты работы. Подобную ситуацию видим и в вышеупомянутом 3-м разделе той же 2-й главы: «Писатели-военные о пространстве Кавказа как территории войны. Мотив деромантизации Кавказа в творчестве А.И. Полежаева». Мотив границы (так же, как и мотив деромантизации, о котором уже говорилось в отзыве) здесь заявлен, но концептуально не оформлен. В целом во 2-й главе нередки «перебои», логически неоговоренные переходы с историко-культурологического анализа феномена границы к исследованию мотива границы как эстетической категории и феномена поэтики. Такая немотивированная смена ракурсов исследования не позволяет выстроить эту главу в полной мере конструктивно и завершено. Третья и четвертая главы работы выглядят более органичными и целостными в этом отношении, здесь автору удается избежать смысловой и методологической эклектичности, хотя речевая ткань текста здесь также не безупречна.

Названные методологические издержки и смысловые лакуны диссертации порождают немало вопросов, некоторые из которых уже были обозначены выше, дополним этот ряд следующими:

1. Представляется спорным утверждение, что во второй половине XIX века в литературе «путь обретения нравственной жизни связывается не с общественным служением, службой, которая делает их почти что невозможным, а с уединенным подвигом, осуществляемым в монастыре» (с. 71). На стр. 73 эта мысль конкретизирована уже по отношению к

Достоевскому: для героя Достоевского праведная жизнь – это монастырь. Утверждение кажется необоснованным, если вспомнить хотя бы два хрестоматийных романа писателя: «заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь», жизнь праведную, которая открывается перед Раскольниковым и Соней в эпилоге произведения, вряд ли связана с их будущим уходом в монастырь. «Положительно прекрасный человек» Мышкин также приезжает из Швейцарии в Россию не для того, чтобы вести праведную жизнь в монастыре, а для того чтобы нести свет праведности в мирскую жизнь. Еще для одного автора второй половины XIX века – Н.С. Лескова – праведники, как известно, это тоже прежде всего люди, способные жить праведно в миру.

2. Характеризуя граничную роль и природу Кавказа как особого пространства, автор на стр. 87 говорит о том, что «Кавказ отделяет русского человека от Азии», в то время как выше утверждалось, что Кавказ для России – репрезентант Азии, нередко с ней отождествляемый. Хотелось бы получить объяснение противоречивости этих тезисов.

3. На стр. 131-132 встречаем следующее рассуждение: «В закон себе поставя / Страстей единый произвол» – не только Евгений Онегин, но и другие герои с подобным характером оставались главными для русского романтизма. Это была современная трансформация эпического героя. «Эпический фон, несущий определенный общественно-исторический смысл, является существенным элементом эпико-героического жанра. Другой его важнейший элемент – образ самого героя, тип богатыря, непосредственного носителя народных идеалов, – пишет Е.М. Мелетинский». Евгений Онегин здесь поставлен в один ряд и с романтическими героями, и с эпическим типом богатыря. Чем обусловлена подобная типология?

4. Раздел 1 гл. 3 выглядит незавершенным, поскольку заканчивается обширной цитатой из работы Е. Капинос, объясняющей семантические и художественные особенности малых форм поэзии и прозы (стр. 176). Не совсем ясно, каким образом можно соотнести данный финал раздела с его

проблематикой, обозначенной в заглавии: «Начальный этап эволюции кавказской «водяной литературы», – цитата приводится без комментариев, связывающих ее с основной темой.

Несмотря на сформулированные выше замечания и вопросы, а также отмеченные текстовые недочеты, работа И.Л. Багратион-Мухранели является состоявшимся диссертационным исследованием, созданным на основе многолетнего погружения в его проблематику, кропотливого анализа литературного и историко-культурного материала; она свидетельствует о научной эрудиции диссертанта, о концептуально осознанной творческой позиции автора в широком семантическом поле исследования. Среди достоинств работы особо следует отметить убедительность суждений И.Л. Багратион-Мухранели в целом ряде полемических ситуаций; диссертант неоднократно вступает в научные дискуссии с заявленными в литературной критике, историографии, литературоведении 19-20 вв. идеями: Н. Добролюбова (с. 250), В. Грехнева (с. 246), А. Сорочана (с. 280) и др., – и практически во всех ситуациях позиция автора диссертации оказывается убеждающе выверенной и аргументированной.

В литературоведении последних лет системный историко-литературный подход к изучению текста отступил на второй план, вытесняясь поисками моделей интерпретации внутренних художественных кодов произведения или поэтики того или иного автора в целом. Поэтому исследование И.Л. Багратион-Мухранели, обращенное к анализу мотивики кавказского мифа в контексте развития литературного процесса и в его взаимосвязях с процессами социально-историческими и этнокультурологическими, представляется востребованным в силу его актуальности, системности и новизны подхода.

Материал диссертации многократно апробирован в публикациях и докладах на научных конференциях разных уровней, в том числе всероссийских и международных. Автореферат и опубликованные по теме работы адекватно отражают содержание исследования.

Материалы диссертации могут быть рекомендованы для вузовских курсов по истории русской литературы, для специальных курсов по истории русско-кавказских и русско-грузинских литературных связей.

Предлагаемое к защите диссертационное исследование И.Л. Багратион-Мухранели удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям в соответствии с п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г., а его автор Багратион-Мухранели Ирина Леонидовна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент,

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и
зарубежной литературы

Стерлитамакского филиала ФГБОУ
ВО «Башкирский государственный
университет»

Ибатуллина Гузель Мртазовна

Подпись	<u>Ибатуллиной Г. М.</u>	заверяю
И.О.Ф.	<u>Ибатуллина Г. М.</u>	отдела правового и информационного обеспечения
Подпись	<u>Валеев У. Р.</u>	(расширенная подпись)